

ЛЕГЕНДЫ
НЕВСКОГО
ПРОСПЕКТА

Первая и славнейшая из улиц Российской империи, улица-символ, знак столичной касты, чье столичье — не в дутом декрете, но в глубинном и упрямом причастии духу и славе истории, — Невский проспект, царева перспектива, игольный луч в сердце государевом, и прочие всякие красивые и высокие слова, — Невский проспект, сам по себе уже родина, государство и судьба, куда выходят в семнадцать приобщиться чего-то такого, что может быть только здесь, навести продуманный лоск на щенячью угловатость, как денди лондонский одет и наконец увидел свет, где пронизательность швейцаров и проституток разом отбила бы у Рентгена мысль о своих кустарных и малодостоверных лучах, и синие гусары в топот копыт по торцам, и Зимний окружен броневиками Шкловского, эта сторона улицы при артобстреле наиболее опасна, и Фека королевствовал из одноименного кабака, пока не трахнул в зазнайстве дипломатову родственницу, за что и был шлепнут, Невский, чьи бессрочные полпреди прошиваются по нему в ностальгических снах своих от Парижа до Кейптауна и Каракаса, усвоить моду и манеру, познакомиться, светский андеграунд, кино — театр — магазин — новости — связи — товар — деньги — товар — лица и прочие части тела, кофе и колесико, джины и игла, — — — короче, Невский, естественно, имеет собственный язык, собственный закон, собственную историю (что отнюдь не есть вовсе то, что общедоступная история Санкт-Петербурга и Ленинграда), собственных подданных и собственный фольклор, как и подобает, разумеется, всякой мало-мальски приличной стране.

Фольклор сей, как и всякий, хранится старожилками и шлифуется остроумцами, метит в канон и осыпается в Лету. Как и всякий, случается он затейлив, циничен, сентиментален и смешон.

Когда-то я тоже жил на Невском и был с него родом.

**САГИ
О ГЕРОЯХ**

ЛЕГЕНДА О РОДОНАЧАЛЬНИКЕ ФАРЦОВКИ ФИМЕ БЛЯЙЩИЦЕ

1. Интеллигентик

В одна тысяча девятьсот пятьдесят третьем годе, как известно, Вождь народов и племен решил устроить евреям поголовно землю обетованную на Дальнем Востоке, и сорока лет ему для этой акции уж никак не требовалось. И составлялись уже по домоуправлениям списки, и ушлые начальницы паспортных столов уже намечали нужным людям будущие освободиться квартиры, и сердобольные соседи в коммуналках делили втихаря еврейскую мебелишку, которую те с собой уволочь не смогут, и громыхал по городу Питеру трамвай с самодельным по красному боку лозунгом «Русский, бери хворостину, гони жида в Палестину». И евреям, естественно, все это весьма действовало на нервы и заставляло лишний раз задуматься о прератностях судьбы, скоротечности земного бытия и смысле жизни.

В двадцать два года людям вообще свойственно задумываться о смысле жизни. Студент Кораблестроительного института, Ефим Бляйщиц писал диплом и остранинно, как не о себе, соображал, удастся ли ему вообще закончить институт — мо-

жет быть, заочно? — и как насчет работы кораблестроителя в Приморье. Амур, Тихий океан... да ничего, жить можно. Жил он, кстати, на Восьмой линии Васильевского острова, в комнатухе со старенькой мамой. Мама, как и полагается маме, в силу возраста, опыта и материнской любви, смотрела на раз-вертывающуюся перспективу более мрачно и безнадежно, чем сын, и плакала в его отсутствие. Друг же друга они убеждали, что все к лучшему, жить и вправду лучше среди своего народа, и в Биробиджане, слава Богу, никто их уже не сможет обижать по пятому пункту; а может, все и обойдется.

Пребывать в этом обреченно-подвешенном состоянии было неуютно, особенно если ты маленький, черненький, очкастенький и картавишь: и паспорт не нужно показывать, чтоб нарваться по морде. Фима нарвался тоже раз вечером в метро, несколько крепких подвыпивших ребяташек споро накидали ему по ушам, выдав характеристики проклятому еврейскому племени, и, обгаженный с ног до головы и насквозь, на темном тротуаре подле урны он подобрал окурок подлиннее и, не решаясь ни у кого попросить прикурить, выглотал колючий дым ночью в сортире; кривая карусель в голове несла проклятия и клятвы. Мама проснулась беззвучно, почувствовала запах табака и ничего не сказала.

Будучи человеком действия, на завтра Фима совершил два поступка: купил пачку папирос «Север», бывший «Норд», и пошел записываться в институтскую секцию бокса.

— Куришь? — спросил тренер, перемалывая звуки стальными зубами.

— Нет, — ответил Фима. — Случайность.

— Сколько лет?

— Двадцать два.

— Стар, — с неким издевательским сочувствием отказал тренер, хотя для прихода в бокс Фима и верно был безусловно стар.

— Хоть немного, — с интеллигентской нетвердостью попросил Фима.

— Мест все равно нет, — сказал тренер и брезгливо усмехнулся глазами в безбровых шрамоватых складках. — Но попробовать... Саша! поди сюда. Покажи новичку бокс. Понял? Только смотри, не очень, — сказал им вслед не то, что слышалось в голосе.

— Раздевайся, — сказал Саша и кинул Фиме перчатки.

Стыдясь мятых трусов и бело-голубой своей щуплости, Фима пролез за ним под канат на ринг, где вальсировал десяток институтских боксеров, и был избит с ошеломляющей скоростью и деревянной, неживой жесткой силой, от заключительного удара в печень весь воздух из него вышел с тонким свистом.

— Вставай, вставай, — приказал спокойно тренер, — иди умойся.

— Удар совсем не держит, — якобы оправдываясь, пояснил Саша.

— Иди работай дальше, — сказал ему тренер. И Фиме, растирающему до локтя кровь из носу: — Сам видишь, не твое. — Неприязненно: — Покалечат, потом отвечай за тебя.

Очки сидели на лице как-то странно, на улице он старался прятать в сторону лицо, дома в зеркало увидел, что его тонкий ястребиный носик налился сизой мякотью и прилег к щеке.

— На тренировке был, — пояснил он матери, и больше расспросов не возникало.

Нос так и остался кривоватым, что довершило Фимин иудейский облик до полукарикатурного, «мечта антисемита».

В портфеле же он стал носить с тех пор молоток, поклявшись при надобности пустить его в ход; что, к счастью, не потребовалось.

Тем временем соседки на кухне травили мать тихо и въедливо, как мышь; об этом сын с матерью тоже, по молчаливому и обоим ясному уговору, не разговаривали.

Это неверно, когда думают, что евреям так уж всю историю и не везет. Потому что смерть Сталина в марте 53 была замечательным везением, вопрос о переселении отпал, врачи-убийцы как бы вместе со всей нацией были реабилитированы, и по утрам соседи на кухне стали здороваться и даже обращаться со всяким мелким коммунальным сотрудничеством. И Фима благополучно получил диплом и был распределен на завод с окладом восемьсот рублей.

Но так и оставался, разумеется, маленьким затурканным евреем.

2. Открытие

Сначала появились стилиаги. Сначала — в очень небольшом количестве.

Пиджаки они носили короткие, а брюки — легендарно узкие. Рубашки пестрые, а туфли — на толстой подошве. И стриглись под французскую польку, оставляя спереди кок; а лучших мужских парикмахерских было две: одна — в «Астории», а другая — на Желябова, рядом с Невским.

В милиции им норовили — обычно не сами милиционеры, а патриотичные народные дружинники — брюки распарывать, а коки состригать, о чем составлять акт и направлять его в деканат или на работу. Пресса рассматривала одевающихся так молодых людей как агентов ползучего империализма:

Иностранцы? Иностранки?
Нет! От пяток до бровей —
это местные поганки,
доморощенный Бродвей!

Затем прошел исторический XX Съезд Партии, была объявлена оттепель и чуть ли не свобода, и страху в жизни стало куда поменьше, а надежд и оптимизма куда побольше.

А еще через год состоялся впервые в Союзе Международный фестиваль молодежи и студентов, наперли толпы молодых со всего мира, и после этого (мы отслеживаем сейчас только одно из следствий, которое и влетено нитью в нашу историю) стилиаг стало хоть пруд пруди: представители прогрессивной молодежи западных, южных и восточных стран покидали гостеприимную Советскую Россию в туфлях на босу ногу, захавывая пиджачки на голых, без рубашек, грудях: гардероб оставался на память о дружбе и взаимопонимании их московским и ленинградским приятелям.

Стукачей участвовало в празднестве уж не меньше, чем иностранцев, и дружили только самые безоглядные и храбрые, — кроме специально выделенных для дружбы, разумеется, и проинструктированных, как именно надо дружить.

Фиму с его рожей никто дружить не уполномочивал; он и не дружил — опасался: дурак, что ли. Но глядя, как переходят на тела земляков шикарные и тонные шмотки, все крутил он и обдумывал одну нехитрую мыслишку.

Он эту мыслишку не один, уж надо полагать, обдумывал, но именно он, похоже, подошел к ней первый со всей еврейской глубиной и основательностью. Потому что на второй день фестиваля сообщил маме, что ему надо поговорить с хорошим старым адвокатом, какой, вроде, был среди ее знакомых.

— Что случилось? — испугалась мама.

— Ничего не случилось, — твердо заверил Фима.

— Так зачем тебе адвокат? — побледнела мама.

— Чтоб и впредь никогда ничего не случилось, — твердо заверил сын.

Адвокат, разумеется, тоже был еврей, и принимал Фиму в такой же комнатухе коммуналки. Фима развязал испеченный мамой пирог, размял папиросу и посмотрел на адвоката.

— Розочка, сходи в булочную, — попросил адвокат жену.

— Так какие же у вас неприятности? — спросил он. — Слушаю.

— Слушайте внимательно, — сказал Фима, — и если можно, тут же забывайте. Никаких неприятностей нет и быть никогда не должно. Может ли иностранец подарить мне галстук?

— За красивые глаза? — поинтересовался адвокат.

— В знак дружбы, — серьезно сказал Фима.

— У вас есть друг-иностранец? Кто? Где вы его взяли — на улице?

— На улице, — сказал Фима.

— И каким образом?

— Он спросил, как пройти к памятнику Ленину у Финляндского вокзала.

— И что же?

— Я его проводил к святыне нашего города и рассказал о приезде Ленина в апреле 17 года.

Адвокат укусил пирог, с удовольствием пожевал, запил чаем и посмотрел на Фиму.

— Он снял галстук прямо с шеи? — спросил он.

— Я долго отказывался, но он обиделся, а я не хочу, чтобы иностранцы обижались на ленинградцев, — ответил Фима.

Адвокат кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Иностранец может подарить вам галстук.

— Я так и думал, — сказал Фима. — А рубашку он тоже может мне подарить?

— Он тоже снял ее с себя под памятником Ленину?

— Нет. Он попросил проводить его обратно до гостиницы.

— Он боялся заблудиться?

— Совершенно верно.

Адвокат подумал.

— А на каком языке вы говорили? — торжествующе выкрикнул он.

— На английском, — слегка удивился Фима.

— А откуда это вы знаете английский?!

— Как откуда? — еще больше удивился Фима. — Я учил его восемь лет: шесть в школе и два в институте. Я советский инженер с высшим образованием. Советское образование — лучшее в мире! Я был отличником.

— Да, — согласился адвокат, — это правда... Советское образование — лучшее в мире.

— Еще он подарил мне пиджак и туфли, — добавил Фима.

— За что?! — поразился адвокат.

— А я подарил ему свой пиджак и свои туфли.

— Зачем?!

— Ему нравятся наши товары.

— Так почему он не купил?!

— У него кончились деньги.

— Почему кончились?

— Он был накануне в ресторане.

— В каком? — быстро воткнулся вопрос.

— На «Крыше» в «Европейской», — так же быстро последовал ответ.

— А больше денег у него не было?

— Я должен был попросить его показать мне бумажник? или счет в банке?

Адвокат доел кусок и облизал пальцы.

— Хорошо, молодой человек, — одобрительно признал он. — Он может подарить вам галстук, рубашку, пиджак и туфли.

— Носки и плащ, — добавил Фима. — Он сказал, что жена купила ему носки не того размера, а плащ дал мне на-

деть, потому что пошел дождь; дома я выгладил его и хотел вернуть, но он уже уехал.

— Что еще? — спросил адвокат.

— Две пары чулок и французское белье для моей мамы.

— Зайдите в субботу, — сказал адвокат. — Я должен изучить этот вопрос так, чтоб не было сомнений.

— Да, — согласился Фима, — сомнений быть не должно. Но не в субботу, а завтра. Время дорого.

— Молодой человек, — сказал адвокат.

— Дружба дружбой, а служба службой, — сказал тогда Фима. — Вы даете мне эту консультацию и получаете гонорар по высшей ставке. Ставку назовете сами.

Адвокат сдвинул очки на лоб. Фима вынул из кошелька полученную вчера зарплату и положил на стол. На ближайшие две недели они с мамой оставались с сорока копейками.

— Хорошо, — сказал адвокат. — Завтра в шесть.

— Подарки являются моей собственностью?

— Безусловно.

— Я могу их выкинуть?

— В первую же урну.

— Могу подарить?

— Первому встречному.

— Могу продать?

— Ага... Вероятно.

— Что значит — вероятно? Это мои вещи или нет?

— Вас интересуют статьи о спекуляции?

— А где вы тут видите спекуляцию?

Адвокат закурил Фимину папиросу и улыбнулся вошедшей с сеткой жене.

— Идишекопф, — ласково сказал он, кивая на Фиму. — Мать этого мальчика не умрет от нищеты.

Вот так в городе Ленинграде летом пятьдесят седьмого года в голове молодого и нормально задавленного жизнью восьмисотрублевого инженера и вполне типичного еврея Фимы Бляйшица родилась гениальная идея фарцовки.

Название это родилось позднее, и не у него, но название его мало заботило, потому что Фима был нормальным советским материалистом и прекрасно знал, что было бы дело, а название ему всегда найдется.

Нет, и до него, разумеется, всю жизнь скупали барахло у иностранцев и толкали его на барахолках и среди знакомых, но он первый подошел к проблеме серьезно и научно. Он первый исчерпывающе выяснил, что в уголовном кодексе нет статей, карающих за получение денег по дивной модели, безукоризненно им отшлифованной.

А также, будучи молодым, умным и энергичным человеком с высшим образованием, изучавшим также и политэкономия по Марксу, он прекрасно понимал важность первым реализовать ценную идею и перспективу монополизации рынка и эксплуатации чужого труда.

Взрывчатая энергия свершений и карьеры, глухо запертая Законом в его курчавой голове и узкой грудной клетке, обрела выход и направление и всепробойной струей ударила наружу.

3. Начало

Назавтра он, во-первых, назанимал у всех, кого мог, полторы тысячи рублей — по десять, пятьдесят, сотне, — «до полочки», срочно «на костюм»; и, во-вторых, записался в бригадил, то бишь в народные дружинники, о чем и получил полезные красные корочки.

Первого своего фирмача он разбомбил в Эрмитаже, в нижнем гардеробе у выхода, рядом с туалетом. В том тесном и летучем столпотворении за каждым уследить невозможно, контакт выглядел естественно и невинно, и заход вдвоем в туалет никак не может выглядеть специальным умыслом.

Группу он отметил, определяя английский экскурсовода, в малых голландцах, наслаждаясь искусством следом за ними, не пялясь и не приближаясь. Выщелил добродушного на вид парня под тридцать, рассеянно обогнал их перед лестницей, подождал в гардеробе, поправляя прическу перед зеркалом за женскими спинами.

— Сори, — сказал он, попятившись и ненароком слегка толкнув парня.

— Сори, — приветливо улыбнувшись, в свою очередь ответил тот.

Фима, сияя доброжелательством ему в глаза, краем зрения зацепил галстук и сделал потрясенное лицо.

— Ар ю фром Парис? — умирая от восторга, спросил он непосредственно у галстука.

— Ноу, фром Свиден, — ласково ответил владелец.

— Зис ван из май оулд дрим, — мечтательно пожаловался Фима галстуку. — Свиден из вандерфул кантри, ай ноу. Ай вонт мэйк ю литл призент фром Раша. Хэв ю ван минит?

Швед покосился на дам из своей группы, выстроившихся в хвост привычной советской очереди, загибающейся в женский туалет, и отвечал утвердительно, что он хэв.

Фима чуть заметно подмигнул, чуть заметно двумя пальцами за рукав задал ему секундно направление в мужской туалет, там внутри тоже была очередь, и он небрежно, как бы одной рукой уже расстегивая штаны, другой сунул шведу семерную матрешку.

— Оу, сэнк ю вери мач, — рассыпался донельзя счастливым швед.

— Нот ит ол, — печально ответил Фима галстуку. — Из ит вери експенсив синг фор ю? Ченч, иф ю плииз, ес?

Швед секунду поколебался, наметив движение руки к галстуку — не то щедрое, не то наоборот, защищающее.

— Фор э мемори оф ауэ мэн френдшип, — со сдержанной мужской грустью расставания произнес Фима и отвел полу пиджака, показывая торчащую из внутреннего кармана бутылку водки.

Швед узнавающе посмотрел на водку и приязненно улыбнулся. Не то он решил, что это тоже презент, не то вознамерился выпить сейчас тут же безотлагательно, но как-то храня во взгляде память о бутылке, щедрым запорожским жестом сдернул галстук и удивленно обернулся: галстук бесследно исчез вместе с Фимой.

Достоявшись в очереди на мочеиспускание, швед с постепенным приятным облегчением подумал о загадочной русской душе и исчез, первая ласточка, из Фиминой судьбы и тем самым из нашего повествования. Экая жалость, что История не донесла до нас имени первого объекта того громадного бизнеса, который именуется фарцовкой.

Фима же, небрежно при выходе нацепив галстук на собственную шею, как бы приводя себя в порядок после духоты и толкотни музея, погулял небрежно в Александровский сад и шлепнулся на скамью у памятника Пржевальскому.

— Это тебе не верблюдов доить, — с назидательной покровительственностью сказал он памятнику.

Перечитал, смял и на всякий пожарный случай выкинул в урну листочек с самодельным своим русско-английским разговорником: английским он владел, как всякий нормальный советский инженер, несколько лучше обезьяны, но гораздо хуже эскимоса.

— Боже, какой писк моды! потрясэ! — оценили в отделе буйный попугайский колер его добычи. — Где оторвал?

— Дядя в подарок привез, из Швеции, — с удовольствием поведал Фима, легко опровергая теорию о невозможности для мужчины родить, причем сразу пожилого ответственного двоуродного дядю, бывающего в загранкомандировках.

Галстук он загнал одному из жаждущих пижонов прямо на работе, выгадав на своей первой сделке всего пятнадцать рублей.

И твердо решил на работе больше никаких сделок не совершать.

Лиса не трогает ближний курятник.

4. Бомбардир

Есть много способов бомбить фирму.

В гостиницах и прямо в аэропортах, в кабаках и в театрах, в музеях и непосредственно на улице.

Можно просто кланчить мелочи на бедность, брать мелочи покрупнее в благодарность за общение или гостеприимство, можно менять на сувениры или на водку, можно покупать за рубли, можно принимать в уплату за девочек, такси и угощение в ресторане. Можно спойть или припугнуть.

Отшумел достославный Московский Фестиваль, и вряд ли кто из знаменитых на весь мир его участников извлек из него столько пользы, сколько маленький и незаметный Фима Бляйшиц.

В течение месяца, методично и крайне осмотрительно, избегая оперов, дружинников, а главное — страшное КГБ, подзрелая стукача в каждом и тщательно выстраивая каждый вечер несокрушимую версию абсолютной своей невиновности в случае если чего, не появляясь дважды в одном и том же месте, прощупывал и познавал он все ходы.